

Дмитрий
ФУРМАНДИВЕРГЕНЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

С 1972 года американская неправительственная организация «Freedom House» публикует ежегодные оценки состояния политических и гражданских свобод во всех странах мира. Оценки выставляются экспертами на основании довольно сложной процедуры, по шкале от 1 до 7, где 1 — максимальная демократия, а 7 — максимальный тоталитаризм¹. Главным при определении степени политической свободы являются оценки, во-первых, того, «насколько система дает возможность свободного выбора из кандидатов на властные должности и насколько независимо от государства выдвигаются сами кандидаты», а во-вторых, насколько эти избранные могут реально править без ограничений со стороны таких недемократических институтов, как монарх, армия или церковь. При определении уровня гражданской свободы оцениваются свобода слова, собраний, организаций, образования, религии, экономической деятельности. Степень гражданских и степень политических свобод всегда тесно связаны, но тем не менее совпадают неполностью. Максимальное расхождение между оценками политической и гражданской свободы может достигать 2 из 7 пунктов. На основании данных экспертами «Freedom House» оценок по этим шкалам, страны разделяются на три категории: *свободные* (средняя оценка по обоим шкалам — от 1 до 2,5), *частично свободные* (от 3 до 5) и *несвободные* (от 5,5 до 7)².

Разумеется, экспертные оценки могут быть неточными — как из-за недостатка информации, так и из-за предубеждений оценивающих³. Но такая неточность, на мой взгляд, возможна лишь в относительно узком диапазоне — не более чем на 1 пункт из 7. Грубо говоря, учитель может поставить «четыре с минусом» за работу, тянущую на «тройку с плюсом», но никак не «пять» за работу на «двойку». Иногда оценки экспертов «Freedom House» не полностью совпадали с моими собственными представлениями⁴, но я вполне допускаю, что оценки экспертов вернее.

Оценки постсоветским странам даются «Freedom House» с 1991 года — времени распада СССР. Но за тот год были выставлены и общая оценка по СССР, и отдельные оценки по республикам. Общая оценка СССР в 1991 году и по политическим, и по гражданским свободам составила 4. Таким образом, СССР в целом оценивался как страна, находящаяся на полпути от тоталитаризма к демократии. На этой середине пути она и прекратила свое существование. Далее начинается — а вернее, продолжается, ибо начался он еще «внутри» горбачевского СССР, — процесс дивергенции политического развития отдельных республик.

В приведенной ниже сводной таблице даются первая, 1991 года, и последняя, 2003 года, оценки постсоветских стран экспертами «Freedom House».

ФУРМАН Дмитрий Ефимович — главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук.

Таблица 1.

	Политические права, 1991	Гражданские свободы, 1991	Политические права, 2003	Гражданские свободы, 2003	Категория, 2003
Эстония	2	3	1	2	Свободная
Латвия	2	3	1	2	Свободная
Литва	2	3	1	2	Свободная
Молдова	5	4	3	4	Частично свободный
Украина	3	3	4	4	Частично свободный
Армения	5	5	4	4	Частично свободный
Грузия	6	5	4	4	Частично свободный
Россия	3	3	5	5	Частично свободный
Азербайджан	5	5	6	5	Несвободная
Казахстан	5	4	6	5	Несвободная
Киргизия	5	4	6	5	Несвободная
Таджикистан	3	3	6	5	Несвободная
Белоруссия	4	4	6	6	Несвободная
Узбекистан	6	5	7	6	Несвободная
Туркмения	6	5	7	7	Несвободная

Процесс дивергенции виден из таблицы достаточно отчетливо. Общесоюзная оценка в 1991 году — 4, разброс оценок отдельных республик за 1991 год — от 2 до 6 по политическим и от 3 до 5 — по гражданским свободам. В 2003 году этот разброс составляет уже от 1 до 7 и от 2 до 7. Шесть стран — страны Балтии, Молдова, Армения и Грузия — улучшили свои оценки; девять, включая Россию, — ухудшили.

Естественно, что в рамках одной статьи невозможно описать все 15 постсоветских политических режимов и происшедшие в них изменения. Но комментарий к таблице все же требуется.

ВСЕ ТРИ СТРАНЫ БАЛТИИ фактически еще в конце советской эпохи создали политические системы, где в рамках единых стабильных демократических «правил игры» осуществляется ротация власти через выборы. В этих странах оппозиция и правящие партии уже много раз менялись местами, и ни разу находящиеся у власти лица и партии не предпринимали никаких попыток не допустить политических противников к власти с помощью использования незаконных методов или внесения изменений в действующее законодательство «по ходу дела».

Самой свободной из «частично свободных» стран, по оценке «Freedom House», в настоящее время является Молдова. Она прошла через период хаоса и гражданской войны, и тем не менее здесь возникла система, при ко-

торой оппозиция может стать властью. Сейчас Молдова — единственная европейская страна, где правит компартия, пришедшая к власти демократическим путем и, насколько нам известно, не стремящаяся закрепить свое положение неправовыми методами. Но Молдова, даже если отвлечься от наличия приднестровского сепаратистского государства, — очень расколотое общество, где конфликты, прежде всего по проблемам национальной самоидентификации молдаван (как румын или как самостоятельной нации), постоянно выносятся на улицу. Той стабильности и «отлаженности» демократических механизмов, которые существуют в Балтии, в Молдове нет.

Украина, Армения и Грузия имеют одинаковые оценки и находятся на равном расстоянии и от демократического, и от тоталитарного «полюсов».

Оценки Украины снизились; в начале 1990-х это было более свободное общество. В 1994 году на Украине произошла первая демократическая ротация власти (от Л. Кравчука к Л. Кучме), и приход к власти оппозиции мог стать началом демократического развития. Однако этого не произошло. Занявший пост главы государства в результате демократической ротации Л. Кучма и его окружение стали делать все возможное, чтобы не допустить следующей ротации, меняя по ходу дела «правила игры» и, возможно, даже прибегая к криминальным методам («дело Гонгадзе»). Украина остается на «распутье», на середине пути, и ее будущее развитие в большой степени будет определено ближайшими президентскими выборами.

Армения 1991 года, ведущая войну за Карабах, — это «военный лагерь» или «осажденная крепость». После установления перемирия президент Л. Тер-Петросян пытался сохранить за собой власть запретами оппозиционных партий, преследованиями противников и широкомасштабными фальсификациями результатов выборов. Однако «ротация» в Армении все же произошла, хотя и не демократическим путем. В 1998 году Тер-Петросян отстраняется от власти путем «мирного военного переворота» (ультиматум «силовиков»), результаты которого затем легитимизируются выборами. Но хотя одним из обвинений, выдвинутых против власти Л. Тер-Петросяна, была фальсификация результатов выборов, пришедшая ей на смену власть Р. Кочаряна также, и, очевидно, не без оснований, обвиняется оппозицией в аналогичных подтасовках.

Грузия 1991 года — это страна со слабым президентом с сильными авторитарными тенденциями (З. Гамсахурдиа), погруженная в состояние анархии. В январе 1992 года президент свергается вооруженным путем. Мятежники призывают к власти бывшего советского руководителя Грузии Э. Шеварднадзе, которому с большим трудом удается обуздать анархию и установить систему, при которой оппозиция относительно свободно существовала, но не могла прийти к власти, поскольку результаты выборов подвергались широкомасштабной фальсификации. В октябре 2003 года происходит мирная «революция роз», свержшая Шеварднадзе. Будущее нового грузинского режима пока неопределенно.

Россия сейчас — ближе к тоталитарному, чем к демократическому «полюсу». Ее оценка (5) на четыре пункта отстоит от той максимальной оценки демократичности, которую получили страны Балтии, и на два — от максимальной оценки авторитаризма, полученной Туркменией. На протяжении 1991—2003 годов оценки России ухудшились на два пункта. Между 1991 и 2003 годами имели место кровавый переворот октября 1993-го, когда Б. Ельцин силой разогнал парламент, принятие на сомнительном референдуме декабря того же года «суперпрезидентской» Конституции РФ, не менее сомнительные выборы 1996 года, передача президентских полномочий В. Путину, ликвидация им «очагов сопротивления» президентской власти

и быстрое продвижение к однопартийной системе. Если во всех странах, имеющих сейчас лучший рейтинг, чем Россия, за постсоветский период все же были ротации власти (демократическая, как на Украине, или «силовые», как в Армении и Грузии), то в Российской Федерации на протяжении всего постсоветского периода ее истории ротации не было вообще.

Азербайджан — страна, которая в начале постсоветской эпохи прошла через два переворота, результаты которых были затем закреплены выборами — переход власти от А. Муталибова к Народному фронту во главе с А. Эльчибеем в 1992 году и от Эльчибея к Г. Алиеву — в 1994-м. Г. Алиев смог выстроить режим «безальтернативного президентства», где безальтернативность достигается, прежде всего, фальсификацией результатов выборов, масштабы которой, судя по всему, являются самыми впечатляющими на постсоветском пространстве. Азербайджан — вторая после России постсоветская страна, где была осуществлена передача власти от президента к назначенному им преемнику, и единственная, где этим преемником стал сын президента.

Казахстан и Киргизия, как и Россия, — страны, где за весь постсоветский период оппозиция ни разу (ни демократическим, ни силовым путем) не приходила к власти (хотя конституции там менялись — всегда в сторону усиления президентской власти; и Н. Назарбаев, и А. Акаев уже успели поправить при трех разных конституциях).

Таджикистан начинал с попытки установить демократию, приведшей к длительной и кровавой гражданской войне. Сейчас там устанавливается режим, схожий с режимами его соседей.

Белоруссия, как и Украина, прошла через демократическую смену власти в 1994 году, но, как и на Украине, она не стала началом системы, основанной на единых «правилах игры» для власти и оппозиции. Как и Л. Кучма, А. Лукашенко направил свои усилия на создание системы, исключая победу оппозиции, путем внесения изменений в конституцию, организации недемократических выборов и референдумов, фальсификации их результатов и активного использованием спецслужб. При этом успехи Лукашенко в деле построения системы, исключая возможность легальной победы оппозиции, значительно больше, чем у его украинского коллеги, а методы — значительно жестче.

В Таджикистане, Казахстане, Киргизии и даже в Белоруссии все же есть реальная легальная оппозиция, хотя политическая система организована так, что прийти к власти она не может. В Узбекистане легальной оппозиции сейчас практически нет и есть только «псевдомногопартийность» по типу «стран народной демократии».

А в Туркмении нет и ее. Туркмения — это гротескный заповедник тоталитаризма, где стоят золотые статуи Туркменбаши, все учат написанную им священную книгу «Рухнамэ» и даже месяцы года переименованы в честь «сардара» и его родителей.

Туркмения и страны Балтии — это два полюса постсоветского политического развития. В советское время в этих странах формальная институциональная структура была тождественной. Сейчас они настолько различны, что даже сравнивать их — бессмысленно.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ПОСТСОВЕТСКИЕ СТРАНЫ стали быстро удаляться друг от друга по своим политическим системам и создали за годы после падения СССР самые разные системы во всем диапазоне от развитой ократии до «развитого тоталитаризма». Отсюда следует вывод, кото-

рый может показаться неожиданным, но который логически неизбежен: советское социалистическое прошлое не оказало сколько-нибудь существенного влияния на постсоветское политическое развитие.

Естественно, никакой общий фактор не может объяснить различий, а это означает, что общие советские стартовые условия не могут объяснить дивергенцию режимов бывших советских республик. Если бы эта дивергенция развивалась в узком диапазоне, мы могли бы усмотреть действие фактора «советскости» именно в «сужении диапазона». И в 1991 году, когда дивергенция и диапазон оценок не были еще столь велики, мы действительно можем увидеть некоторое влияние позднесоветских условий. Внутри горбачевского СССР для республик невозможно было создать ни полностью демократический, ни полностью тоталитарный режим; и для того, и для другого нужны были независимость и какое-то время. Но уже через несколько лет после распада Советского Союза и исчезновения сдерживающей силы центра и те, кто с самого начала (еще «внутри» СССР) пошел по пути демократического строительства, и те, кто пошел по пути «строительства авторитаризма», достраивают свои здания, а дивергенция и, соответственно, разброс оценок достигают максимально возможных размеров. Туркмения получает максимальную оценку авторитаризма — 7 уже в 1992 году, оценку 1 Литва получает в 1995-м, Эстония — в 1996-м, Латвия — в 1997-м, с этого времени оценки не менялись.

Но если постсоветские страны за несколько лет могли стать и такими, как Туркмения, по оценке свободы находящаяся на одном уровне с Ливией, Саудовской Аравией и Северной Кореей, и такими, как страны Балтии, оценка свободы которых равна оценке свободы Великобритании и Швейцарии, значит, они могли все, и фактор общего советского наследия практически никак не сдерживал и не направлял их развитие⁵.

Какие же факторы объясняют дивергенцию?

ОЧЕВИДНО, САМОЕ БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ имеет «цивилизационный» фактор. При взгляде на таблицу он бросается в глаза.

Все три страны Прибалтики, являющиеся, по оценкам «Freedom House», полностью свободными, — это страны с западными формами христианства — лютеранством и католичеством, единственные в этом роде республики, входившие в состав СССР.

Пять «частично свободных» стран — это четыре православные страны плюс Армения с ее особой восточно-христианской национальной церковью.

Шесть «несвободных» стран — это пять мусульманских стран плюс православная Белоруссия. Из всех постсоветских мусульманских стран ни одна не попала в категории «свободная» и «частично свободная».

Эта бросающаяся в глаза тесная связь религиозно-цивилизационной принадлежности стран и их оценок по степени свободы полностью соответствует нашим общим знаниям о развитии современной демократии. Она впервые победила в ряде протестантских стран, затем распространилась на католический мир и сейчас охватила лишь некоторые нехристианские страны⁶. Соответствует эта связь и оценкам, которые дает «Freedom House» разным странам мира.

«Постсоветскость» не определяет итоги политического развития и вообще не влияет на них сколько-нибудь заметно: постсоветские страны могли выработать предельно далекие друг от друга формы политического устройства. Но цивилизационная принадлежность определяет их политическую эволюцию так, что в результате сейчас они оказались предельно далеки от некоторых других «братских» советских республик, хотя очень близки к стра-

нам, никогда не входившим ни в СССР, ни в «соцлагерь», при этом принадлежащим к той же религиозно-цивилизационной традиции.

Так, страны Балтии предельно далеки от ранее «братской» Туркмении, но близки к Швеции, Франции, Великобритании. В группу стран, имеющих ту же, что и страны Балтии, максимальную оценку по демократичности (1), входят 59 стран. Из них 29 — протестантских, 23 — католические, 3 — православные, а также Япония, Израиль и Маврикий. Среди них нет ни одной мусульманской страны. И наоборот, в группе стран, получивших оценку 7, нет ни одной протестантской и лишь одна католическая (Куба).

«Переходная» группа постсоветских «частично свободных» стран, с оценками от 3 до 5, полностью состоит из православных и восточно-христианских (Армения). В нее входят все православные постсоветские страны, кроме «несвободной» Белоруссии. В мире в целом группа «частично свободных» — самая «цивилизационно пестрая», в нее входят очень разные страны. Но другие православные и восточно-христианские страны при высоком разбросе их оценок также тяготеют к «переходным», средним оценкам. Три из них — Болгария, Кипр и Греция — сейчас имеют высшую оценку демократичности (1); одна, Румыния, — оценку 2; две, Македония и Сербия с Черногорией, — 3, а восточно-христианская Эфиопия, чей вариант христианства близок к армянскому, получила оценку 5 (такую же, как Россия, и на один пункт хуже армянской).

Группа «несвободных» постсоветских стран состоит из шести мусульманских стран плюс Белоруссия. И опять-таки, наши мусульманские страны по созданным ими политическим режимам очень далеки от стран Балтии или Молдовы, но очень близки к другим мусульманским странам. Из 41 страны мира с мусульманским большинством населения ни одна не получила оценку 1, только две получили оценку 2 и попали в группу «свободных» (Мали и Сенегал), три — оценку 3 и признаны «частично свободными» (Албания, Индонезия и Турция); оценку 4 получили три страны, оценку 5 — семь стран, оценку 6 — восемнадцать, оценку 7 — восемь стран. Всего в мире 17 стран получили оценку 7, то есть их режимы признаются законченными авторитарными и тоталитарными⁷; из них мусульманских — 8. Из 32 стран мира, получивших оценку 6, мусульманских — 18, а христианских — одна Белоруссия. Туркмения и Узбекистан — «рядом» не с постсоветскими Литвой или Латвией, а с мусульманскими Суданом, Саудовской Аравией, Ираком, Ливией, Сирией.

Создается впечатление, что как только исчезла принудительная советская унификация, которая никак не могла изменить глубокие «цивилизационные коды» входивших в СССР стран, они оказались там, где их естественное «место». При этом элемент подражания, сознательного уподобления большой роли не играл. Страны Балтии действительно сознательно строили свои системы по европейским образцам, с самого начала взяв курс на интеграцию в западные структуры. Но нет никаких оснований полагать, что лидеры Узбекистана или Туркмении брали себе за образец Ирак или Ливию. Дело не в подражании и не в ориентации на какую-то группу стран (никакой сознающей свою общность и родство группы авторитарных стран вообще нет, и все постсоветские страны если на кого и ориентируются, то на Запад; быть же в одной группе с Ираком и Ливией не хочет никто), а в объективно существующем родстве.

ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО фактора настолько велико, что возникает естественное искушение объявить его чуть не единственно значимым. Однако ясно, что действие его ограничено. И хотя связь цивилизационной принадлежности и политических режимов очевидна, также очевидно и то, что связь эта непрямая и неоднозначная.

Так, православные постсоветские страны получили оценки в разбросе от 3 (Молдова) до 6 (Белоруссия), а мусульманские — в разбросе от 5 до 7. Ясно, что этот разброс не может быть объяснен общими для них цивилизационными факторами. Если же выйти за пределы постсоветского пространства, то разброс окажется еще большим. Так, среди православных стран есть три, имеющие оценку 1. Мусульманские страны в основном имеют оценки 5—7, но есть среди них две страны с оценкой 2 и три — с оценкой 3. Конечно, можно сказать, что это исключения, вызванные особыми обстоятельствами. Но в любом случае понятно, что религиозно-цивилизационная принадлежность — лишь фактор, который очень важен, но действие которого может быть сильно изменено или ограничено действием каких-то других факторов.

Чтобы попытаться как-то объяснить разброс в пределах религиозно-цивилизационных общностей, мы должны искать эти дополнительные факторы. Здесь возникает много вопросов, и можно выдвинуть много гипотез разной степени достоверности.

Так, пытаясь объяснить отличия Молдовы и других стран, можно указать на то, что в межвоенный период Молдова находилась в составе не СССР, а Румынии, общества хотя и не демократического, но все же и не тоталитарного. Отличия украинского и российского режимов несомненно определяются и разными типами национального самосознания (если особенности русского самосознания связаны с ролью имперской нации, то украинского — с ролью нации, борющейся за свободу), и влиянием разных государственных традиций (полуанархического казацкого государства и самодержавного русского). Можно также указать на роль Галичины, на большой культурный и религиозный плюрализм Украины и на многое другое. Объясняя отличия Азербайджана от Узбекистана, можно напомнить, что Азербайджан дольше входил в состав Российской империи, а азербайджанская элита находилась под сильным влиянием европейской культуры, можно указать на опыт Азербайджанской республики периода Гражданской войны в России. Различия Киргизии и Казахстана с Узбекистаном — это в значительной мере различия обществ «кочевой демократии», с одной стороны, и земледельческих обществ с государственной деспотической традицией, с другой.

Факторы множатся, начинают «путаться», теряют свою однозначность и определенность. Мы вынуждены «громоздить» один на другой, делая оговорки и вступая в противоречия⁸. Такие объяснения постепенно переходят в исторический анализ и даже просто в историческое описание, а математически подтверждаемое указание на действие определенных факторов постепенно переходит в описание процесса («как это получилось»).

При этом, хотя само стремление свести все к каким-то долговременным факторам естественно и правильно, оно представляет собой не что иное, как стремление обнаружить социальные и культурологические закономерности. Однако полное сведение к таким закономерностям означало бы, что конкретные люди — Горбачевы и Ельцины, Бразаускасы и Ландсбергисы, Эльчибеи и Алиевы — вообще ничего не значат, что они — просто символы неких «факторов». Но это все же не так.

Конкретные люди, конечно, значат значительно меньше, чем им самим кажется. Человек идет на выборы и свободно опускает бюллетень за определенного кандидата. Это его выбор. Но статистика говорит, что 90 процентов людей его возраста, образования, социального положения голосуют так же, как и он, и, следовательно, то, что субъективно кажется свободным и, может быть, даже мучительным выбором, социально и культурно предпо-

ределено. Правитель борется с соперниками, с громадным трудом выстраивает «властную вертикаль», добивается своей «безальтернативности» и думает про себя: «Какой я молодец, с какими трудностями справился!» Но рядом то же самое и с тем же успехом делает другой правитель, причем с совсем иными личностными характеристиками. Академик А. Акаев, партийный бюрократ Н. Назарбаев, утонченный интеллигент и почти диссидент Л. Тер-Петросян, бывший сотрудник КГБ В. Путин и бывший председатель колхоза А. Лукашенко — люди очень разные. Но созданные ими режимы — очень похожи.

Культура значит больше, чем личности; и конкретные политические ситуации, и религиозно-цивилизационный выбор князя Владимира, совершенный более тысячи лет назад, или выбор хана Узбека, принявшего ислам, или выбор Ягайлы, ставшего католиком, — более важны как факторы, определяющие теперешние политические системы, чем все «выборы» М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Ландсбергиса и Н. Назарбаева. Однако личностные факторы имеют значение для современных политических систем, и мы можем уловить их действие в процессе нашей дивергенции. Культурные и иные долговременные факторы определяют веер возможностей и большую или меньшую вероятность становления того или иного режима. Но субъективный фактор может оказаться настолько сильным, что иногда выбирается не самый вероятный вариант.

Например, Белоруссия по своей культуре, как я думаю, — не та страна, для которой естественно попадание в одну группу с мусульманскими деспотиями; и объяснить авторитаризм белорусского режима нельзя без учета чисто субъективного и случайного фактора — яркой и сильной личности белорусского президента. И то, что туркменский режим представляется гротескным даже для узбеков, вряд ли выводимо из глубоких особенностей туркменской культуры. Конечно, перспективу формирования в Туркмении в постсоветский период демократического режима можно считать практически нереальной, но то, что авторитаризм здесь перерос в тоталитаризм, а не принял более мягкую форму, хотя бы такую, как в других центральноазиатских странах, — наверняка, личная «заслуга» С. Ниязова. Украина, спокойно и мирно прошедшая через первую ротацию власти, наверное, имела шансы вступить на путь, по которому пошли балтийские страны и Молдова. То, что этого не произошло, несомненно, во многом определила личность Л. Кучмы.

Это примеры, когда личности правителей стали факторами, сдвигающими страну в сторону большего авторитаризма. Но, несомненно, есть и противоположные. Когда в Литве в 1993 году неожиданно для всех победила Демократическая партия труда А. Бразаускаса (бывшая Компартия Литвы) — а это было первое в серии возвращений во власть партий «перестроившейся» коммунистической номенклатуры, — для возглавлявшихся В. Ландсбергисом «демократов»-саюдистов это оказалось шоком. По Литве поползли слухи, что «коммунистов» к власти не пустят. Теоретически возможность такого развития событий существовала, и, наверняка, подобное искушение у «демократов» было. Но ничего подобного не произошло. Это конкретная ситуация, решали здесь конкретные люди, и то, что их решение окажется именно таким, было вероятно, но не предопределено на 100 процентов.

Личности не в состоянии произвольно отменить действие мощных факторов, но они могут видоизменить их действие в определенных диапазонах; и чем сильнее личность, чем в более сильной властной позиции она находится, чем неопределеннее ситуация в стране, тем большим диапа-

зоном возможностей она располагает. Очевидно, при любой комбинации личностных и ситуативных факторов Туркмения сейчас не могла бы иметь режим, который получил бы оценку 1 или 2, а Литва — режим с оценкой 7 или 6. Но Туркмения могла бы иметь режим с оценкой 6 или 5, а Литва — 2 или даже 3. Иначе говоря, теперешняя картина политического устройства постсоветских стран не является единственно возможной. Принципиально иной картины возникнуть не могло, но могли реализоваться и чуть более «либеральные», и чуть более «тоталитарные» варианты⁹.

СОВЕРШЕННО ОЧЕВИДНО, что религиозно-цивилизационный фактор не определяет однозначно характер политического режима. Нет мусульманских, протестантских и православных режимов. Конечно, есть то, что придает стилистическое своеобразие даже однотипным режимам стран, принадлежащих к разным цивилизационным группам. Южнокорейская демократия отличается от литовской, а туркменский тоталитаризм — от северокорейского. (А когда в России будет демократия, это тоже будет демократия «в русском стиле»). Но это именно «стилистические» и непринципиальные отличия. Принципиальных различий между статуями Туркменбаши и Ким Ир Сена нет. Как нет и принципиальных отличий этих статуй от статуи Сталина или Муссолини.

Оценка режима — это именно оценка режима, а не его цивилизационной принадлежности, хотя цивилизация — фактор, сильно влияющий на характер и, соответственно, оценку режима. Здесь вполне уместна аналогия с обычными оценками, которые ставятся детям в школе. Оценки ставятся за успехи по математике или русскому языку, а не личности или социальной или национальной принадлежности учеников. Но шансы на то, что сын бедного мигранта из Центральной Азии будет по русскому языку не вылезать из «двоек», а сын московского профессора — без особого напряжения получать «пятерки», очень велики. Хотя, конечно, бывают очень способные к языкам дети бедных мигрантов и неграмотные дети интеллигентных москвичей. Точно так же для страны с протестантской религиозно-культурной традицией, как Эстония, построить систему, заслуживающую оценку 1, легко, и даже особой заслуги здесь нет. А для Узбекистана — очень трудно. И поэтому любые успехи в построении демократии стран с цивилизационными традициями, не способствующими легкому усвоению демократических норм, особенно ценны. Оценки 2, которые имеют Мали и Сенегал, и 3, которую имеет Турция, ценнее, чем эстонская «единица». Хорошему учителю твердая «тройка» за русский, полученная сыном бедного таджикского мигранта, должна доставлять больше радости, чем «пятерки» профессорского сына.

Оценки режимов — это оценки их соответствия определенной норме, возникшей и выработанной в определенной цивилизационной среде, но к нашему времени приобретшей общечеловеческое значение. Общечеловеческое значение этой нормы видно и в том, что ее не отрицают и те, кто ей не следует. Власти ни одной из постсоветских стран, имеющих оценки 6 и 7, даже туркменские, не утверждают, что демократия — это нечто плохое и ненужное; они не имеют никакого альтернативного демократии идеала. В отличие от традиционалистских и в какой-то мере даже тоталитарных режимов прошлого века, никто сейчас не решается отрицать демократию, но ее подменяют обманом и имитацией (фальсифицированными выборами, фактически «избранным» самими президентами парламентом и т. п.). У этих властей есть лишь два способа как-то отвечать на обвинения в автори-

таризме (или просто констатацию авторитаризма). Во-первых, это просто отрицание своего несоответствия нормам и обвинения в предвзятости (как ученик может говорить, что «учитель придирается»): утверждается, что явно фальсифицированные выборы были очень честными, что посаженные в тюрьму политические противники сидят за уголовные преступления, что оппозиция не представлена в парламенте потому, что народ ее не любит, а любит президента, и т. д. Все это представляет собой просто обман с некоторыми элементами самообмана. Во-вторых, это утверждение, что для развитой демократии нужно время и не надо применять к их странам слишком строгие требования. «Когда-нибудь мы дорастем до развитой демократии, а пока будем жить, как умеем». Н. Назарбаев и покойный Г. Алиев повторяли эту мысль в разных выступлениях десятки раз. И хотя в мотивации этих заявлений очевиден элемент своекорыстия, есть в них своя правда.

Демократия — общечеловеческая норма, и ее могут достигнуть (и, очевидно, в конечном счете достигнут) все. Цивилизационный фактор не закрывает для кого-то путь к достижению демократии вовсе, но лишь делает его более или менее трудным, а время, необходимое для ее достижения, — более или менее длительным. Само же направление — на достижение демократии — этим фактором так же не определяется, как никакими индивидуальными или социальными особенностями учеников не определяются ни правила русской грамматики, ни требование ее усвоения. Однако странам с разными культурами приходится преодолевать разные трудности, и для достижения нормы им нужно разное время. Достичь русской грамотности может любой нормальный человек. Но сыну приехавшего в Москву в поисках работы на стройке таджика сделать это трудно, и ему нужно больше времени.

МЕСТО ДЕМОКРАТИИ В МИРЕ резко изменилось даже по сравнению с 1972 годом, когда «Freedom House» стал публиковать свои оценки (что в масштабах всемирной истории — очень небольшой срок). Тогда, в 1972-м, из 151 независимой страны только 21 (13,9 процента) получила оценку 1 и 19 (12,6 процента) — оценку 2. Сейчас из 195 стран первых — 59 (30 процентов), а вторых — 26 (13,3 процента). Распад СССР сам по себе не привел к успехам демократии. Только четыре страны, входившие в его состав, причем самые маленькие (три страны Балтии и Молдова), имеют сейчас лучшую оценку, чем общая позднесоветская (4). Более того, пять стран имеют ту же оценку, что и догорбачевский Советский Союз (6), а три — худшую оценку — 7. Но распад соцлагеря привел к быстрой демократизации всех европейских социалистических стран и, как это ни удивительно, Монголии, которая прочно удерживает оценку 2. Кроме того, за это время прошли и совершенно не связанные с распадом СССР и соцлагеря широкомасштабные процессы демократизации — демократизация Южной Европы (Испании, Португалии, Греции) и большинства стран Латинской Америки.

А если взять большие временные отрезки, то масштабы успехов демократии просто грандиозны. Если бы задним числом поставить оценки разным странам, скажем, за 1900 год, оценку 1, очевидно, не получила бы ни одна страна, и лишь несколько получили бы оценки 2 и 3. Те страны, в которых сейчас установлены стабильные демократии, еще относительно недавно прошли через страшные тоталитарные диктатуры (Гитлер и Муссолини отстают от нас всего на два поколения). Все три страны Балтии, которые так успешно и быстро создали сейчас демократические системы, в межвоенный период (Литва — в 1926 году, а Эстония и Латвия — в 1933-м) при-

шли к режимам, значительно более близким к теперешним центральноазиатским, чем к теперешним балтийским. Это сейчас С. Ниязов выглядит гротескной и даже несколько карикатурной фигурой, а в конце 1920-х — 1930-х годах в каждой стране Южной и Центральной Европы было по Ниязову.

Демократия — объективная цель, к которой движется современное человечество. Ни цивилизационная принадлежность, ни какие-то другие культурные и исторические особенности не определяют ни этой цели, ни неизбежности движения к ней. Они определяют только то, что кто-то из идущих проходит расстояние быстро и без труда, кто-то плетется, останавливается и даже периодически поворачивает назад. Но общее расстояние до цели у каждого идущего все же со временем сокращается, а тех, кто уже добрел, становится все больше.

Постсоветский мир, вернее, страны СНГ (постсоветский мир без Балтии), сейчас находится приблизительно на том же уровне демократического развития, как мир Южной и Центральной Европы в 1920—1930-е годы. Но мир в целом изменился. Авторитарные и тоталитарные режимы межвоенного периода были сильнее, увереннее в себе, они находились в более благоприятной для них среде. Наши авторитарные правители врут, имитируют демократию и говорят, что их странам нужно время для создания демократической системы. Последнее — не ложь. Время действительно нужно, хотя очень трудно представить себе ситуацию, когда такой правитель скажет: «Вот теперь это время настало, и я могу уйти и пустить к власти своих противников». О пришествии этого времени они или их преемники узнают, как узнал Э. Шеварднадзе, по толпам на улицах, требующим их отставки и демократических выборов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Методологию оценок см. <http://www.freedomhouse.org/research/freeworld/2003/methodology.htm>.

² Оценки всех стран с 1972 года см. <http://www.freedomhouse.org/ratings/allscore04.xls>.

³ «Freedom House» — неправительственная организация, и нет никаких сомнений, что в своих оценках она не руководствуется интересами американского правительства. Но эксперты могут, конечно, в какой-то мере находиться под влиянием господствующих в обществе настроений.

⁴ Так, мне кажется, что оценки России в ельцинское время были несколько завышены. Оценка 3, данная России за 1993 год — год расстрела парламента и принятия теперешней Конституции, мне представляется слишком высокой. С другой стороны, снижение оценки Молдовы за последние годы с 2 до 3 вызывает подозрение: не связано ли оно с приходом к власти коммунистов. В обоих случаях на оценки могли повлиять антикоммунистические установки экспертов.

⁵ Распределение политических систем на нашем пространстве приблизительно соответствует их распределению в мире. Так, свободных стран у нас 3 из 15, то есть 20 процентов (в мире — 44), частично свободных — 33 процента (в мире — 34), несвободных — 47 процентов (в мире — 26). Постсоветский мир в целом несколько менее свободный, чем остальное человечество, но приписывать это фактору советского наследия никаких оснований нет.

⁶ Проблема влияния особенностей разных религий на развитие демократии и рынка имеет необозримую литературу, и здесь мы ее не затрагиваем. Нам важна констатация связи, а не ее причины.

⁷ Стран, которые, как Туркмения, получили максимальную оценку 7 и по шкале политических, и по шкале гражданских свобод, — всего 8. Это Северная Корея, Ливия, Сирия, Судан, Саудовская Аравия, сама Туркмения, Куба и Бирма.

⁸ Так, Белоруссия не имеет самодержавной традиции, в ней большое католическое меньшинство, и тем не менее она имеет оценку 6, а Россия — 5. Туркмения в прошлом — тоже кочевое общество, как и Казахстан с Киргизией. Но оценка Казахстана и Киргизии — 5, а Туркмении — 7. Наверное, можно найти какие-то исторические объяснения различию теперешних политических систем этих стран, но вряд ли они будут строгими и однозначными.

⁹ Очевидно, действие личностных и случайных, ситуативных факторов не только ограничено (никто не мог бы создать в постсоветской Туркмении развитую демократию, а в Эстонии — развитый тоталитаризм), но оно еще ограничено и по времени. Так, Белоруссия, очевидно, под влиянием личностного и ситуационных факторов имеет не совсем тот режим, который естественен для нее по ее цивилизационному типу. И можно предполагать, что с уходом А. Лукашенко, исчезновением сильного личностного фактора, режим быстро и прочно изменится в демократическом направлении. Относительно высокая степень демократичности раннего постсоветского Таджикистана тоже не соответствовала его цивилизационному типу и была вызвана особой ситуацией.